

## Дочка

Она очень похожа на отца. Если бы не это явственное сходство, еще долго оставались бы сомнения. Ведь целые поколения советских людей выросли в уверенности, что у главного советского поэта не было детей.

Когда в 1989 году Патриция Томпсон заявила, что является дочерью Владимира Маяковского, не были удивлены только глубокие знатоки его биографии. После первого ее визита в Россию в 1991 году сомнения исчезли. Их сходство поразительно. Патриция была в России четыре раза в 1991-1993 годах. В 1993 она выпустила книгу "Mayakovskyy in Manhattan", основанную на архиве ее матери Элли Джонс, и в первую очередь, на шести магнитофонных записях, сделанных 5 июня 1979 и 4 сентября 1982 года. В 2003 году в Москве вышел русский перевод этой книги — "Маяковский на Манхэттене". В архиве Элли Джонс, который достался Патриции, письма и телеграммы Маяковского к ней, рукописи его стихотворений, написанных во время пребывания в Америке, фотографии и рисунки Маяковского и Давида Бурлюка. Два знаменитых рисунка друзей-футуристов, два портрета Элли, — сделаны в один день, во время визита в летний еврейский лагерь "Нит Гедайге". С. Кэмрад во время встречи в Музее Маяковского в Москве в 1991 году предоставил Патриции свою рукопись "Дочка", которая также отдельной главой вошла в ее книгу.

Изначально написать автобиографическую книгу об их романе с Владимиром Маяковским планировала сама Элли Джонс, и магнитофонные записи делала именно для этого, но написать книгу не успела. За книгу взялась Патриция, которая долгое время не хотела заниматься этой темой. Она пишет: "Я должна признаться, что большую часть своей жизни сопротивлялась и не читала Маяковского и книги о нем. Я не хотела раствориться в его сверхмощной личности. Я хотела быть собой". Характерная история для детей выдающихся родителей. А если учесть, что Патриция Томпсон является профессором педагогики Леман-Колледжа при Нью-Йоркском университете, автором около тридцати книг в области феминизма и экологии, читает лекции в Америке, Канаде и Европе, становится понятно, что она действительно стала реализованной самодостаточной личностью. И тем не менее, голос крови победил. Наверное, она нашла внутренний баланс, правильное соотношение между любовью и преклонением перед гениальным отцом и собственной карьерой, собственными достижениями. Сейчас в квартире Патриции на Манхэттене книжные полки заставле-



ны книгами Маяковского и о нем, на стенах висят его портреты, на столиках стоят бюсты поэта. Она не говорит по-русски, но пытается смотреть русские телепередачи и подписывает книги инициалами "Е. В." — Елена Владимировна. В свои 84 года она очень активна и энергична. Патриция довольно высокая, стройная, с гордой осанкой, приятная в общении. Она продолжает преподавать, писать, выступать с лекциями. А когда она становится рядом с фотографией отца... Я не перестаю поражаться, как в наше сейчас протянулась ниточка из такого далекого времени.

Маяковского я люблю еще со школы. Особенно ранние стихи. Футуристические штучки, турне с Бурлюком по городам России, живое слово — все это раз и навсегда произвело на меня впечатление. Энергия, пульсирующая в словах, осязаемая, мощная, не оставляла для меня сомнений в гениальности автора, как бы пафосно ни звучало это слово. Поэтому когда я прошлым летом увидел анонс книги Бенгта Янгфельдта "Ставка — жизнь. Владимир Маяковский и его круг", я тут же ее захотел. Ждать пришлось недолго, книгу прочитал взахлеб, на 357 странице обрадовался, что у великого поэта есть наследники, а когда на 606 странице я прочел, что дочь Маяковского Патриция Томпсон жива, живет в Нью-Йорке, и Бенгт недавно с ней встречался, план созрел мгновенно. Я решил ее найти, по-

The Mayakovsky Centennial: 1893-1993  
Lehman College, The City University of New York  
April 30-May 1, 1993

## MAYAKOVSKY in MANHATTAN



### *A Love Story*

*With Excerpts from the Memoir of Elly Jones*

Patricia J. Thompson

Including "Dutchka," a previously unpublished chapter  
from S. Kennerd's biography of the poet

знакомиться, выразить свое восхищение творчеством ее отца, в конце концов, подписать книгу. В радостном возбуждении я позвонил своему папе, который живет как раз в Нью-Йорке, и решительно поставил перед ним задачу отыскать Патрицию в небольшом, в общем-то, городе. В конце концов, существуют телефонные справочники. Папа попытался отнекиваться, но, поняв бесполезность этих попыток, через пару недель выдал мне план действий. Патриция была приглашена на прием в российское консульство в Нью-Йорке, папа сделал так, чтобы его тоже пригласили, и знакомство состоялось. Через некоторое время Патриция при-

гласила его в гости, они очень долго говорили, папа ушел нагруженный впечатлениями, фотографиями и подписанными книгами. Потом они встречались еще несколько раз, Патриция рассказывала о своей научной карьере, семье — у нее есть сын и внуки, — и записала видеообращение в Одесскому литературному музею, для которого по моей просьбе она также подписала книги: биографию Янгфельдта и свою книгу. А я переслал ей фотографии с музейными стендами, посвященными ее великому отцу, и фото табличек на домах из переулка Маяковского. Ведь Маяковский много раз бывал в Одессе, выступал, причем в первый раз, в 1914 году, вместе с Давидом Бурлюком, который в 1899-1901 годах учился в нашей Художественной школе. Вспомним начало "Облака в штанах"... В общем, Патриции было очень приятно узнать, что в Одессе ее отца помнят и любят.

Нашел я и Бенгта Янгфельдта, спасибо "нашему человеку в Швеции" Михаилу Казинику. Когда я написал Бенгту про историю с Патрицией и выразил восхищение его книгой, он ответил, что мое письмо подняло ему настроение на весь день. А ведь восхищаться действительно есть чем.

Наверное, книга Янгфельдта — самая полная и самая лучшая биография Владимира Маяковского на сегодняшний день. И ведь что удивительно — написал ее не русский литературовед, а швед, написал сначала на шведском, а потом сам же перевел большую часть книги на русский. Теперь благодаря Бенгту в Швеции о Маяковском знают не меньше, а может быть, даже больше, чем у нас. За свою книгу в 2007 году Бенгт Янгфельдт получил премию Августа Стриндберга ("шведский Букер").

А теперь я хочу вернуться немного назад и рассказать о том, как же Владимир Маяковский попал в Америку, как он познакомился с Элли Джонс, и как сложилась ее судьба.

Осень 1924. Маяковский в глубокой депрессии. Их отношения с Лили Брик, именно любовные отношения, сошли на нет. У Лили все новые и новые романы, она никогда не скрывала своих мужчин. Очередная ее страсть — Александр Краснощеков, он же Абрам Краснощек — большой советский чиновник, банкир, который к тому же попал в тюрьму, и Лили опекает его дочь Луэллу. Она объясняет Маяковскому, что бросить Краснощекова в такой ситуации было бы подло. Он мечтает уехать из Москвы, и не просто в Европу — путь в Берлин и Париж был для него всегда открыт, — а в кругосветное путешествие или хотя бы в Америку. Он едет в Париж, чтобы там добиваться американской визы. В Париже жила Эльза Триоле, сестра Лили, именно с Эльзой Маяковский познакомился вначале, романа у них не получилось, но Эльза познакомила его с Лили. Сейчас, по прошествии стольких лет, Эльза сохранила чувства к Маяковскому, он же — только дружеские. И вот в Париже они не расстаются, но по банальной причине — Владимир Владимирович совершенно не знает языков, что его безумно раздражает; поэтому, как он сам пишет, объясняется



"на триоле". Он таскает с собой Эльзу даже на свидания. Именно в таком амплуа Маяковский привлек поначалу и Элли Джонс в Нью-Йорке, но об этом позже. В Париже он много общается с художниками — Марселем Дюшаном, Мен Рэем, Робером Делоне, Пикассо. Особенно сдружились они с Фернаном Леже. Маяковский страстный игрок, он играет в карты, на бильярде, заключает пари. Полтора месяца в Париже пролетели быстро, но не приблизили его к цели — американцы так и не дали визу, и он возвращается домой, чтобы повторить попытку весной.

Вторая попытка оказалась удачной. В мае 1925 Маяковский снова в Париже, уже с мексиканской визой, у него с собой 25 тысяч франков, что в советских рублях составляло 2400 — трехгодичная зарплата совслужащего. Колоссальные по тем временам деньги, которые у него за несколько дней до отплытия в Мексику украли. Как писал он сам в письме к Лили: "Вор снял номер против меня в Истрии, и когда я на двадцать секунд вышел по делам моего живота, он с необычайной талантливостью вытащил у меня все деньги и бумажники (с твоей карточкой со всеми бумагами) и скрылся из номера в неизвестном направлении. Все мои заявления не привели ни к чему, только по приметам сказали, что это очень известный по этим делам вор. Денег по молодости лет не чересчур жалко. Но мысль, что мое путешествие прекратится, и я опять дураком приеду на твое посмешище, меня совершенно бесила".

Сомнительно, чтобы Маяковский держал все наличные деньги в одном бумажнике. Может быть, он проиграл их, как незадолго перед выездом, еще в Москве, проиграл все дорожные деньги? В любом случае, писать об этом в письме он не мог и не хотел. Лили пришла ему на помощь и "додала" издание Госиздатом, где Маяковского не очень любили, собрания его сочинений в четырех томах. Правда, по низкой цене, 12 копеек за строчку (журналы и газеты платили ему в это время 70 копеек за строчку). Тем не менее, аванса в две тысячи рублей и собранных друзьями в Париже денег хватило, и 21 июня 1925 года на корабле "Эспань" Владимир Владимирович отплыл в Мексику. Как он пишет, за восемнадцать дней в пути он хорошо натренировал мимические мышцы, потому что объясняться мог только жестами и мимикой.

В Мексике он довольно долго ждал визу и уже потерял надежду, ведь если Мексика годом раньше признала Советский Союз, то Америка пока нет, но чудо свершилось во многом благодаря друзьям поэта, живущим и работающим в Нью-Йорке. Маяковскому пришлось дать залог в 500 долларов — половину годового дохода американца, которые он одолжил

у сотрудника советского посольства в Мехико. В анкете он сообщил, что является художником, который собирается показать в Америке свои работы. И вот 30 июля 1925 года Маяковский наконец в Нью-Йорке. Первым человеком, с которым он встретился, был, конечно, Давид Бурлюк. Очень скоро американские власти поняли, кто на самом деле приехал в Америку. Портреты и интервью Маяковского стали появляться во множестве газет, особенно в коммунистической прессе. "Нью-Йорк Таймс" писала: "Самый популярный поэт России, Маяковский, одновременно и самый богатый поэт — в той мере, в какой богатство позволительно на его родине. ... Его последняя книга принесла ему 10 тысяч долларов. Маяковский самый известный картежник в России. Он проигрывает в карты намного больше того, что зарабатывает, и живет на выигрыши". В отличие от Европы, Маяковский много выступал в Америке. Он провел несколько шумевших выступлений в Нью-Йорке, совершил турне по восточным штатам, на его выступление в "Сентрал Опера Хаус" пришло две тысячи человек. На выступлениях он рассказывает о жизни в СССР.

Америка произвела большое впечатление на поэта. Он пишет стихи, его путевые заметки "Мое открытие Америки" вышли в 1926 году отдельной книгой. По возвращении домой он будет читать многочисленные лекции "из американской жизни". А пока американское турне в самом разгаре. Удивительно, что Маяковский, который всегда из любых поездок часто и много писал Лили, независимо от их текущих отношений, за два месяца пребывания в Америке отправил ей всего несколько коротких и бессмысленных телеграмм. Это было настолько нетипично, что уже сама Лили пишет ему отчаянно: "Куда ты пропал?" и "Не смей забывать меня!".

Через месяц после приезда Маяковского в Америку произошла трагедия, которая во многом повлияла на дальнейшие события. 27 августа погиб Исая Хургин, который помог Владимиру Владимировичу получить визу и снять квартиру в Нью-Йорке. Хургин утонул во время прогулки на лодке по озеру Лонг-Лэйк недалеко от Нью-Йорка. Вместе с ним в лодке находился Эфраим Скланский, прибывший в Америку за три дня до этого в качестве председателя советского треста "Моссукуно". Хотя официальной причиной гибели была названа внезапная буря, скорее всего, это было заказное убийство, — Сталин в то время развернул активную кампанию против троцкистов, а Скланский был одним из ближайших людей Троцкого. В русской диаспоре Нью-Йорка смерть Хургина вызвала горе и смятение. Все понимали, что при желании найти могут любого

и везде. Маяковский произнес речь на траурной церемонии и нес урну с прахом Хургина на пароход, отбывающий в Россию.

Через несколько дней после гибели Хургина и Склянского Маяковский получил приглашение на вечеринку от Чарльза Рехта — радикально настроенного американского юриста, который консультировал советские предприятия в Америке и тоже содействовал в выдаче поэту визы. На этой вечеринке и произошло его знакомство с Элли Джонс. Элли, или Елизавета, урожденная Зиберт, родилась в уральской деревне в октябре 1904 года в семье потомков немецких меннонитов — протестантской секты. Елизавета знала помимо русского и немецкого еще английский и французский языки, и во время работы переводчицей в Американской администрации помощи в Самаре познакомилась с английским бухгалтером Джорджем Джонсом, за которого вышла замуж в мае 1923 года, когда ей было всего восемнадцать. Молодожены переехали в Америку, но брак оказался неудачным, и они довольно скоро расстались — Джонс снял Элли квартиру на 71-й улице, и она зарабатывала на жизнь, работая манекенщицей. Вполне вероятно, что Джонс женился на Елизавете, чтобы помочь ей выбраться из России. Итак, к моменту знакомства с Маяковским Элли было всего двадцать лет.

Практически сразу они стали неразлучны. Первоначальный интерес Маяковского к Элли был, скорее всего, вызван практическими соображениями, — как Эльза Триоле в Париже, Элли Джонс была его переводчицей в Америке. Она помогала ему покупать одежду, обувь, подарки дамам, заказывать еду в ресторанах. Однако очень быстро в их отношениях появились чувства. "Он заходил ко мне каждое утро, и мы проводили день вместе, читая и гуляя. ... Нас постоянно куда-то приглашали. Он везде брал меня с собой". Маяковский и Элли были очень осторожны и тщательно скрывали свои отношения — недавний случай с Хургиным показал силу чекистов, а роман с эмигранткой для главного пролетарского поэта мог быть опасным не только для его репутации, но и для жизни. "Мы всегда использовали официальную форму обращения, — вспоминала Элли. — Ни он, ни Бурлюк никогда не называли меня иначе как Елизаветой Петровной. На людях он целовал мне руки".

Маяковский много работал и выступал. Денег у него было мало, поэтому кушали они в недорогих русских и армянских заведениях и в детском кафе на Пятой авеню. Почти все свободное время он проводил в русских и еврейских кварталах Ист-Сайда, часто играл на бильярде и посещал негритянские кабаре в Гарлеме, где, кроме него с Бурлюком и Элли, белых

не было вообще. Страдая от языкового барьера, который не давал ему возможности на многочисленных встречах с американцами развернуться во всю мощь своего таланта, он предпочитал проводить время с Элли. Маяковский много общался с представителями радикальных еврейских кругов и напечатал в газете "Фрейгайт" два стихотворения в переводе на идиш. Они с Элли довольно часто ссорились, яркое тому подтверждение — рисунок Маяковского, вынесенный Патрицией на обложку своей книги. Несмотря на ежедневные встречи, Элли и Маяковскому удалось удержать в тайне свои отношения — кроме Бурлюка очень немногие знали или догадывались об их истинном характере. В поэзии Маяковского образ Элли встречается, пожалуй, лишь однажды. В стихотворении "Вызов" он пишет: "Мы целуем — незаконно! — над Гудзоном ваших длинноногих жен". Причем в первоначальном наброске вместо "мы" стояло "я".

К концу октября деньги у Маяковского закончились совершенно. Это и стало основной причиной его отъезда из Америки. Он много выступал, что-то выигрывал, много занимал, но Лили Брик собралась в Италию, и он отправил ей почти 950 долларов на поездку, сам оставшись без гроша. Перед отъездом на последние деньги он купил Элли зимнюю одежду и оплатил месячную аренду квартиры. На самом себе он экономил. Если из Парижа Маяковский ехал первым классом, то на корабле "Рошамбо", который шел в Гавр, он провел восемь дней на дешевой койке на самой нижней палубе. И тем не менее, когда Элли, провожавшая поэта на корабль, вернулась в свою квартиру, чтобы "броситься на кровать и рыдать", вся кровать была усыпана незабудками.

Когда Маяковский уезжал, ни он, ни Элли не догадывались о том, что она беременна. Маяковский как-то спросил Элли в начале их отношений, предохраняется ли она. Элли ответила: "Любить — это иметь детей", — на что он ответил: "Ты сумасшедший ребенок". Уезжая, Маяковский попросил Элли держать в тайне все, что было между ними, попросил ее писать ему, но не прямо, а на адрес сестры, и признался, что сам он не большой писатель писем. Элли не всегда придерживалась обещания и писала ему напрямую, сам он тоже писал ей. Вероятно, догадываясь о ее положении, он в новогодней телеграмме написал: "Пиши все. Все. С Новым годом". 6 мая Элли наконец известила его о предстоящих родах, но тоже в завуалированной форме, написав: "Через три недели необходимо заплатить \$600 в госпиталь. Если можете, пришлите по этому адресу... Думаю, что понимаете мое молчание. Если умру — alright — если нет, увидимся". 15 июня 1926 года Элли родила дочь Хелен Патрицию, которую кратко



тоже называли Элли. Сейчас Патриция просит называть себя Еленой Владимировной, по крайней мере, в общении с русскими. Маяковский связался с Элли, как только узнал, что стал отцом.

Реакция поэта на рождение дочери очень характерно отражена в одной из записных книжек 1926 года. На пустой странице он написал одно слово: "Дочка".

Законным отцом Патриции считался Джордж Джонс, который взял на себя заботу о ее воспитании. Маяковский хотел поехать в Америку, но это было совершенно нереально. Давая выход отцовским чувствам, он сочинял стихи для детей, в киносценарии "Дети" рассказывается о голодающей семье американских шахтеров, в которой мать звали Элли Джонс. Он увидит свою дочь два года спустя один-единственный раз, в 1928 году в Ницце, где обе Элли — старшая и младшая — проводили лето. Он узнал об этом совершенно случайно, будучи в Париже, от общей нью-йоркской знакомой. Встреча была очень короткой. Некоторое время после этого они активно переписывались, потом все реже, а через два года поэта не стало. Элли Джонс получила университетский диплом и всю жизнь преподавала языки: русский, немецкий и французский. Она умерла в Америке в 1985 году, а в 1989 Патриция Томпсон впервые публично объявила, что она — дочь Маяковского.

Вот так все это было. В предисловии к своей книге Патриция пишет: "Эти записи содержат информацию о том, что моей отец Владимир Маяковский и моя мать Элли Джонс договорились хранить в тайне. Каждый раз, когда мама упоминала об этом, она прикладывала палец к губам (как это делал Маяковский, собираясь покинуть Нью-Йорк, до того, как они узнали о том, что мама беременна), говоря просто: "Про это мы должны хранить молчание". Я не связана их клятвой. Для того чтобы заполнить пробелы в биографии моей матери, я разрушаю это почти семидесятилетнее молчание. Настал мой черед рассказать о Маяковском как о человеке — любящем, нежном, эмоционально уязвимом человеке из плоти и крови, каким его знала и любила моя мать, человеке, которого я знаю как своего отца. Кровь — не бронза — текла в его венах".

**Р. С.** Я послал Патриции подписанное Татьяной Ивановной Липтугой приглашение приехать на празднование 216-й годовщины со дня основания Одессы. Хотя ей семьдесят четыре, она выразила такое желание. А вдруг это действительно произойдет?